Сел в комнате Дуань Бэйчэня было очень свежо.

Голова Ся Чаошэня покоилась на его груди, и, не удержавшись, он прижался лицом к чужому телу, чтобы охладиться.

Придерживая оказавшегося в его объятиях человека, Дуань Бэйчэнь увидел, что Ся Чаошэн крутит головой, и, решив, что тот снова дурит, с досадой прижал его голову:

— Веди себя смирно.

Этот умиротворяющий тон наконец заставил Ся Чаошэня замолчать.

Дорога до комнаты тянулась бесконечно долго.

Дуань Бэйчэнь внезапно вспомнил напутствие Дяди Дина и между делом поинтересовался:

— Ты в последнее время не сталкивался с какими-нибудь трудностями?

Ся Чаошэн моргнул. В голове у него всё плыло, в горле першило, и он коротко отозвался:

— Всё в порядке.

Дуань Бэйчэнь переспросил:

— Что именно?

Ся Чаошэню так и подмывало сострить: человек, который мне по вкусу, стоит прямо рядом со мной, но наброситься на него и вцепиться изо всех сил нельзя — зубы чешутся от нетерпения, просто беда.

И всё же Ся Чаошэн подавил эти порывы и выдал более благоразумный ответ:

— Не переживай, я не доставлю вам хлопот и не стану тянуть команду назад.

Раньше Ся Чаошэн никогда не заботился о выживании товарищей по команде и престиже коллектива. Услышав вопрос Дуань Бэйчэня, он даже в мыслях не допустил, что тот может о нём беспокоиться, решив, будто тот просто боится, что он снова начнет чудить.

Выслушав его, Дуань Бэйчэнь промолчал.

Ся Чаошэн и впрямь словно переродился. Он отринул прежнюю напыщенность и жеманство, став невероятно осторожным, даже чуть замкнутым и отчаянно их боящимся.

В груди тлел смутный гнев, и Дуань Бэйчэнь не мог точно определить, что это за чувство.

Прижавшись лицом к прохладному телу Дуань Бэйчэня и не заметив его недовольства, Ся Чаошэн в полусне смежил веки.

Глава 14. Отпусти

Больной Ся Чаошэн бывал несколько несговорчив.

Лежа в постели, он мертвой хваткой вцепился одной рукой в руку Дуань Бэйчэня.

Прежде Ся Чаошэн вечно находил поводы для подобных выходок, да и притворялся больным не впервые. Этот трюк был слишком примитивным, и Дуань Бэйчэнь уже не поддался бы на обман — он почти автоматически перехватил запястье Ся Чаошэня, намереваясь его оттолкнуть.

С первого раза оторвать чужую руку не удалось. Решив, что у Ся Чаошэня обострились старые привычки, Дуань Бэйчэнь раздраженно бросил:

— Ся Чаошэн. Отпусти.

Ся Чаошэн сонно приоткрыл глаза, разглядел Дуань Бэйчэня и весь встрепенулся.

Чуть совсем не спятил в лихорадке.

Ся Чаошэн торопливо разжал пальцы и, превозмогая першение в горле, извинился:

— Прости ради бога.

Воспоминания о тех прошлых мерзостях, что творил этот парень, всколыхнулись в душе Дуань Бэйчэня, и он твердо решил до прихода врача не подходить к нему ближе чем на шаг.

Ся Чаошэн прекрасно понимал, откуда у Дуань Бэйчэня такая брезгливость.

В первый же год после дебюта группы прежний хозяин тела под предлогом высокой температуры заманил Дуань Бэйчэня в комнату. Тогда он, кажется, вел себя точь-в-точь как сейчас — вцепился мертвой хваткой, пытаясь в болезненной немощи лизнуть палец Дуань Бэйчэня.

Конечно же, Дуань Бэйчэнь отшвырнул его со страшной силой.

Казалось, его еще никогда не выворачивало от подобной мерзости. По счастью, оригиналу и правда было нехорошо, силенок не хватало, так что, получив толчок, он послушно растянулся на постели. Иначе, вздумай Дуань Бэйчэнь проявить серьезность, у того не осталось бы ни малейшего права голова качать.

Ся Чаошэн мысленно взмолился о прощении. Его тело горело в лихорадке, но засыпать он боялся до смерти.

Он страшился натворить глупостей во сне, да так, что потом не успеет всё исправить.

Веки становились всё тяжелее. Ся Чаошэн ждал и надеялся, пока Дядя Дин наконец не привел врача. Стоило поставить капельницу, как Ся Чаошэн позволил себе провалиться в сон.

В комнате не было специального крючка для флаконов, и Дядя Дин на время притащил вешалку для одежды.

Даже во сне Ся Чаошэн вел себя беспокойно: кто казался прохладнее, того он и хватал. Ощутив исходящую от Дяди Дина уличную свежесть, он безошибочно нащупал его в темноте и вцепился раскаленной ладонью в ледяное предплечье, так что бедняга аж подпрыгнул от неожиданности.

Глядя на белую, истончившуюся руку на своем предплечье, Дядя Дин невольно перевел взгляд на Дуань Бэйчэня.

Дуань Бэйчэнь хмуро уставился на эту картину, но тут же отвел глаза.

Даже доведенный до ручки хворью, Ся Чаошэн, схватив кого-то, приоткрыл глаза, чтобы проверить.

Это Дядя Дин. Ничего страшного.

Дядя Дин позволил ему держаться за себя, но вскоре, не выдержав жгучего жара и слишком странной атмосферы, аккуратно вернул руку Ся Чаошэня под одеяло и, стирая пот со лба, поспешно ретировался.

Дуань Бэйчэнь сидел на собственной кровати и наблюдал за Ся Чаошэнем с небольшого расстояния.

Когда Яо Шо вошел в комнату с кружкой воды, он заметил, что Дуань Бэйчэнь хмурит брови, погруженный в какие-то раздумья.

Вспомнив, как сильно Ся Чаошэн трепал нервы Дуань Бэйчэню прежде, Яо Шо просто не мог вынести мысль о том, что тот снова должен ухаживать за больным негодяем, и вызвался добровольцем:

— Брат Бэйчэнь, занимайся своими делами, я посижу у капельницы.

Не дожидаясь ответа Дуань Бэйчэня, Яо Шо притащил стул, устроился у кровати Ся Чаошэня и сразу же уткнулся в телефонную игру.

Тишина в комнате продержалась недолго — Ся Чаошэн снова начал куролесить.

Распахнув глаза, он вытянул руку и молча потянулся к Яо Шо, от которого веяло желанной прохладой.

— Яо Шо.

В то самое мгновение, как пальцы Ся Чаошэня почти коснулись кожи Яо Шо, Дуань Бэйчэнь, до этого не отрывавший глаз от экрана смартфона, вдруг окликнул его.

Яо Шо выпрямился и поднял голову. Рука позади него скользнула по ткани его рубашки впустую. Ся Чаошэн не стал упорствовать: поглазел на Яо Шо остекленевшим взглядом, перевернулся на другой бок и снова послушно заснул.

Дуань Бэйчэнь произнес:

— Возвращайся к себе.

Яо Шо взглянул на часы и решил проявить вежливость:

— Еще рано, я побуду немного. Пока ему не прокапают.

Дуань Бэйчэнь кивнул и снова уткнулся в телефон.

Когда капельница закончилась, Яо Шо размял затекшую от сидения поясницу и вежливо попрощался:

— Брат Бэйчэнь, я тогда пойду.

После ухода всех присутствующих в комнате вновь воцарилась тишина.

Жар у Ся Чаошэня спал, румянец сошел с щек, и он весь съежился под одеялом, оставив снаружи лишь половину бледного, изможденного лица.

Вспомнив, как тот цеплялся за него чуть раньше, Дуань Бэйчэнь подумал: возможно, ему и вправду было слишком плохо.

То было недоразумение.

Винить стоило лишь самого Ся Чаошэня, который в прошлом сжег за собой все мосты. Слишком уж часто повторялась история про мальчика, кричавшего волки, и теперь Дуань Бэйчэню было трудно отличить правду от фальши.

Разобравшись во всем, Дуань Бэйчэнь уже не так насторожился, когда Ся Чаошэн снова принялся жаловаться на жажду. Налив воды, он подошел, подложил ладонь под затылок больному и попытался приподнять его, чтобы напоить.

Ся Чаошэн затуманенным взором приоткрыл глаза и в тот самый миг, когда увидел Дуань Бэйчэня, совершенно забыл о том, что переселился в это тело из другого мира.

Он во все глаза принялся жадно вырисовывать взглядом черты лица Дуань Бэйчэня.

У Дуань Бэйчэня были превосходные природные данные: глубокие, выразительные черты лица, и даже при столь близком рассмотрении не удавалось найти изъяна.

Ся Чаошэн выдохнул:

— Красивый.

Голос прозвучал настолько тихо, что Дуань Бэйчэню пришлось наклониться ближе, чтобы разобрать слова.

Как же близко.

Ся Чаошэн скосил глаза: перед ним отчетливо вырисовывались плотно сжатые тонкие губы. Он никогда еще не видел столь безупречной формы губ, отчего ему нестерпимо захотелось тут же в них впиться.

Ся Чаошэн пробормотал еще что-то.

На этот раз Дуань Бэйчэнь расслышал.

Ся Чаошэн произнес с предельной искренностью:

— Я хочу тебя поцеловать.

Брови Дуань Бэйчэня дернулись, и только что угасшая брезгливость вновь взметнулась с новой силой.

Чтобы Ся Чаошэн мог нормально отдохнуть, Дядя Дин предусмотрительно отключил камеры незадолго до этого. Больше не сдерживаясь, Дуань Бэйчэнь выпрямился во весь рост и сунул стакан с водой прямо в руки Ся Чаошэню.

Ся Чаошэн прижал к груди стакан и растерянно поднял голову.

Нахмурившись, Дуань Бэйчэнь процедил сквозь зубы с откровенной неприязнью:

— Помню, я уже говорил тебе. Хватит крутить со мной эти фокусы.

Вспыхнувшая было радость Ся Чаошэня вмиг испарилась. Он судорожно сжал стакан дрожащими пальцами, вытаскивая из хаотичных воспоминаний остатки здравого смысла.

Ощущение головокружения и пелены перед глазами исчезло.

Ся Чаошэн с запозданием осознал, что только что ляпнул Дуань Бэйчэню. Глядя на отталкивающее выражение лица парня, он хоть и понимал, что оригинал натворил слишком много бед и Дуань Бэйчэню просто опостылел этот цирк, из-за чего тот сорвал злость на нем.

Но сам-то Ся Чаошэн не совершал никаких подлостей, и брать на себя чужие грехи ему совершенно не улыбалось.

Единственное, в чем стоило извиниться — это в собственной опрометчивости.

Опустив взгляд, Ся Чаошэн промолвил:

— Прости. У меня слегка кружилась голова, я нёс всякую чушь, не принимай близко к сердцу.

И снова этот мягкий, беззащитный тон.

Дуань Бэйчэнь промолчал, с силой подавляя подступающее отвращение. К нему слишком часто приставали подобным образом, и стоило ему попытаться восстановить доверие, как Ся Чаошэн тут же разрушал его самыми изощренными способами.

Ся Чаошэн тоже начал заводиться, но из-за болезни голос звучал хрипло и совершенно не угрожающе, напоминая скорее капризы обиженного до глубины души ребенка:

— Я занял первое место и просил тебя поменяться комнатами, это ты отказался.

Дуань Бэйчэнь холодно ответил:

— Потому что ты пообещал больше ко мне не приставать.

Ся Чаошэн хотел было заявить, что вовсе не приставал, но его недавнее поведение выглядело слишком подозрительно, и оправдываться было не с руки.

Дуань Бэйчэнь добавил:

— К тому же делить комнату с тобой — уже лучший вариант из возможных.

Ся Чаошэн никому не нравился. И хотя Дуань Бэйчэня тоже воротило от его выкрутасов, по крайней мере среди всех этих людей только он один ленился целыми днями пикироваться с Ся Чаошэнем.

Потерпеть немного — и все счастливы, ничего плохого в этом не было.

Дуань Бэйчэнь выразился предельно ясно.

В груди Ся Чаошэня непроизводно кольнула острая боль.

Прежний хозяин тела слишком сильно любил Дуань Бэйчэня, и подсознательные рефлексы оказалось слишком трудно изменить: чужие эмоции неизбежно заставляли страдать и самого Ся Чаошэня.

Перед глазами всё расплылось. Стоило ему тронуть уголки глаз, как слезы градом покатились по щекам, срываясь, точно бусины с оборванной нити.

Глава 15. В следующий раз не возомняй о себе слишком много

Ся Чаошэн понимал, что потерял всякое лицо, поэтому решил больше ни перед чем не останавливаться. Он постарался сделать так, чтобы голос не дрожал:

— Еще раз прошу прощения. Я просто бредил спросонья, нес всякую чушь, и в мыслях не имел к тебе приставать.

Глядя на то, как послушно Ся Чаошэн сидит на кровати и сыплет заверениями, Дуань Бэйчэнь подумал о том, что уже поздно, температура у того только спала — как бы снова не разгорелась.

Потерев пульсирующие виски, Дуань Бэйчэнь бросил:

— Ладно. Отдыхай.

Ся Чаошэн знал, что Дуань Бэйчэнь всегда отличался терпением, но на деле всё объяснялось лишь глубоким равнодушием: тот просто не считал нужным тратить эмоции на безразличных людей. Он казался компанейским ровно до тех пор, пока никто не переступал его черту.

И если он сейчас так легко отпустил Ся Чаошэня, то скорее всего потому, что посчитал пустой тратой времени продолжать читать нотации.

До перемещения в этот мир Ся Чаошэн жил припеваючи, не зная отказов: все вечно вились вокруг него самого. С чего бы ему вдруг превращаться в назойливую банную муху, от которой не отвяжешься?

Чем больше он думал об этом, тем сильнее нарастало мрачное раздражение, и Ся Чаошэн решил раскрыть карты:

— Когда закончится съемка этого группового шоу, я не стану продлевать контракт и уйду из группы. Можешь быть спокоен, я действительно не собираюсь вызывать у тебя тошноту.

http://bllate.org/book/33418/4105708